

**Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)**

На правах рукописи

Томоо Канадзава
Литературная деятельность О. П. Козодавлева

Специальность 10.01.01. — русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2017

Работа выполнена в Отделе взаимосвязей
русской литературы с зарубежными
ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук, главный научный
сотрудник ФГБУН Институт русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН
Ростислав Юрьевич Данилевский

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой межкультурных
коммуникаций Государственного университета
морского и речного флота
Ольга Бодовна Кафанова

доктор филологич. наук, профессор,
профессор кафедры зарубежной литературы
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена

Геннадий Владимирович Стадников

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный университет

Защита состоится _____ 2017 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб.
Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на
официальном сайте Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

Работа посвящена анализу литературной деятельности Осипа Петровича Козодавлева (1754—1819), русского писателя и государственного деятеля, в контексте истории отечественной литературы и ее европейских связей.

Актуальность исследования и степень разработанности проблемы.

Обращение к литературному творчеству О. П. Козодавлева позволяет показать на единичном примере особенности отражения в литературе конца XVIII — начала XIX века перехода от идей Просвещения к новым общественным идеалам и литературным направлениям (сентиментализм, предромантизм) — причем в том слое литературы, который, хотя и не вошел впоследствии в русский литературный канон (классическую литературу, школьную классику), однако составлял значимую часть общего литературного процесса.

Актуальность исследования заключается в том, что оно возвращает истории русской литературы одно из полузабытых имен раннего этапа так называемой «массовой литературы». Однако творчество Козодавлева заслуживает внимания еще и как наглядный пример взаимодействия идей Просвещения и сентиментализма на самой границе эпох. Можно проследить историю идей и литературных направлений с общей точки зрения,¹ но, как известно, история всегда проявляется в конкретных текстах и в действиях реальных и конкретных людей.

Фигура Козодавлева заслуживает внимания историков литературы как тип литератора, еще не осознавшего себя писателем, тип «пишущего чиновника», занимающий пограничное положение как между литературой и

---

¹ См., например: Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов. М., 2011; *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма / Пер. с польск. М., 2013. См. также: *Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 380—389; *Федорова Ж. В.* Массовая литература в России XIX века. Художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых. Казань, 2003. С. 203—209.

практическим просветительством, так и между Просвещением и сентиментализмом.

Кроме того, как известно из истории изучения русской литературы XVIII века, при рассмотрении литературных явлений этого периода необходимо учитывать влияние на русских писателей западноевропейской культуры.² В случае Козодавлева существенной деталью является биографическое обстоятельство — его обучение в Лейпцигском университете, которое способствовало тому, что в различных направлениях своей деятельности он выступал как просвещенный европеец. Вклад Козодавлева в российскую культуру и историю рассматривается обычно и преимущественно как вклад политика и государственного деятеля, тогда как суждения о его литературных произведениях являются разрозненными и отрывочными. История литературы не располагает даже подробным описанием творческого пути Козодавлева как литератора.³ Между тем выяснение его литературных интересов, его отношения к идеям Просвещения является, несомненно, существенным для уточнения представлений о становлении новой русской литературы конца XVIII — начала XIX веков. В настоящей диссертационной работе *впервые* предпринято подробное и комплексное изучение разнообразной литературной деятельности О. П. Козодавлева как характерного и своеобразного явления переломной эпохи в истории русской культуры, что придает этой работе научную актуальность.

Цель исследования — выяснение места О. П. Козодавлева в истории русской литературы, в частности, его роли в реализации русско-западных и, прежде всего, русско-немецких культурных и литературных связей. Цель

---

² См: Русско-европейские литературные связи XVIII века: Энциклопедический словарь. Статьи / Отв. ред. П. Е. Бухаркин. СПб., 2008. См. также: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995—1996. Т. 1—2.

³ См. биографическую статью в «Словаре русских писателей XVIII века»: Кулябко Е. С. Козодавлев Осип Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: К—П. С. 100—102.

работы подразумевает конкретные задачи исследования. Назовем основные из них:

1) определить важнейшие аспекты литературной деятельности Козодавлева (массовая литература, детское чтение, издание журнала, представления о переводе и проч.);

2) выявить в каждом из эпизодов его творческой биографии своеобразие позиции Козодавлева на фоне русского литературного процесса конца XVIII века, его связи с тенденциями времени – стилистическими и идейными;

3) отметить факты, свидетельствующие об интересе Козодавлева к межкультурному посредничеству, проанализировать способы его участия в нем и роль в конкретных сюжетах из истории русско-европейских литературных связей;

4) определить, каким образом в литературной деятельности Козодавлева идеи Просвещения и сентиментализма проявились в конкретных литературных и просветительских задачах.

Объектом исследования является творчество Козодавлева, его литературные интересы и его отношение к комплексу идей Просвещения и к просветительской деятельности.

Предметом исследования выступают печатные работы Козодавлева — писателя и журналиста: переводы, произведения, опубликованные в журнале «Собеседник любителей русского слова», редактированием которого занимался Козодавлев, и его статьи в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета». Такими работами, в частности, являются:

1. Переводы. Прежде всего, это перевод драмы И. В. Гете «Клэвиго» (1774) — первый русский перевод произведения Гете. В отличие, например, от также переведенной Козодавлевым поэмы М. А. Тюммеля «Вильгельмина» (1764), эта драма была переведена им по собственной инициативе, а не по инициативе Екатерины II, поэтому анализ его перевода

позволяет понять отношение Козодавлева к переводческой работе и к задачам писателя-просветителя.

2. Оригинальные сочинения Козодавлева, помещенные в журнале «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784), соредактором которого он являлся. До настоящего времени исследователи этого журнала обращали внимание только на такие стихотворения Козодавлева, как «Письмо к Ломоносову», «Письмо к Капнисту» и «Письмо к татарскому Мурзе». В диссертации в качестве предмета исследования выбраны другие произведения: прозаическое «Приятное путешествие», а также «Стихи Клелии», стихотворения «К другу моему...» и «Сновидение». Их анализ дает нам представление о рецепции Козодавлевым творчества современных ему писателей (М. В. Ломоносова, В. В. Капниста, Г. Р. Державина), а также проясняет его собственные литературные позиции и творческий метод.

3. Статьи из «Северной почты, или Новой Санкт-Петербургской газеты» (1809—1819), редактором которой был Козодавлев. Статьи, помещавшиеся в этой газете, содержали самые разнообразные сведения о политических и экономических событиях, о заграничной и отечественной промышленности, о технических открытиях, о появлении новых общественных объединений, о новых публикациях и проч. В диссертации преимущественное внимание обращено на те статьи, в которых ярко проявились особенности просветительских взглядов редактора.

В связи с этим в диссертации рассматривается также журнал «Детский музей» (1815—1819), о котором идет речь в этих статьях. Его изучение является полезным для выяснения взглядов Козодавлева на детское и юношеское образование.

Методологические основания

В целом в диссертационном исследовании используется традиционный историко-литературный метод в приложении к таким своеобразным для исследуемой литературной эпохи явлениям, как этос непрофессионального литератора/государственного чиновника; переводческая деятельность,

являющаяся отражением прежде всего русских культурных интересов; практическое просветительство в области педагогических взглядов и практики редактирования журнала; отражение в литературе новейших тенденций культуры и техники XVIII века в их единстве. Кроме того, нами применяются приемы сравнительного литературоведения, с акцентом на выявлении генетических связей литературных явлений в системе взаимодействия русской и европейской, преимущественно немецкой, культур рубежа XVIII—XIX веков.

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из «Введения», трех глав, «Заключения» и списка литературы.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Литературная позиция Козодавлева соединяла в себе идеи Просвещения и сентиментализма с отчетливой тенденцией к практическому просветительству (педагогике); кроме того, в ней нашел выражение его интерес к культурным взаимосвязям между Россией и рядом других стран. Пытаясь понять особенности культурной, литературной, политической жизни зарубежных стран в их сравнении между собой, Козодавлев, как видно по его переводческой работе над драмой Гете «Клавиго», по «Приятному путешествию», по статье «Рассуждение о народном просвещении в Европе» и по другим его произведениям, старался осмыслить и отразить ряд этих особенностей.

2. По нашему мнению, Козодавлев взялся за перевод драмы Гете «Клавиго», движимый уже сформировавшимся у него интересом к теме межкультурного сопоставления, играющей важную роль в этом произведении, а не из-за стремления к открытию нового драматического жанра «мещанской трагедии», как считалось раньше.

3. В первой половине 1780-х годов, т. е. на раннем этапе русского сентиментализма, Козодавлев осваивает в своем творчестве характерные черты этого литературного направления, которое позволяло взглянуть на

«чувствительность» как на положительную и необходимую особенность человека, способствующую развитию его внутреннего мира. Козодавлев, который по образованию и по роду своей деятельности был убежденным просветителем, вносит в свои произведения черты сентиментализма с целью «просвещения» внутреннего мира русского читателя. Позиция просветителя и раннего сентименталиста оказывается у него единым целым.

4. Статьи из «Северной почты, или Новой Санкт-Петербургской газеты» — издания, выходявшего под редакцией О. Козодавлева, — посвящены развитию педагогики и наследуют европейской энциклопедической традиции. Обращение к педагогике как науке связано с реформой школьного образования, в которой Козодавлев принимал деятельное участие. В то же время эти работы сохраняют связь с литературой, что является оригинальной особенностью журналистской деятельности Козодавлева.

Научная новизна

В данной диссертационной работе литературное наследие О. П. Козодавлева впервые рассматривается как самоценное явление в русском литературном процессе 1780—1810-х годов, в истории русской журналистики и русской переводной литературы.

Теоретическая значимость

Освещение фрагмента литературного процесса, практически не изученного ранее, позволяет представить себе развитие русской литературы конца XVIII — начала XIX века в ее деталях, из которых складывается литературный процесс, до сих пор часто изучаемый по своим вершинным явлениям. В истории русской переводной литературы достойное место обретает перевод Козодавлева из Гете, который стал начальной точкой в восприятии Гете русской культурой.

Практическая значимость

Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы в общих работах по истории раннего русского

сентиментализма и Просвещения, русских переводов произведений И. В. Гете, истории образовательных реформ в России, а также в справочной литературе, в том числе при составлении научной биографии Козодавлева.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на нескольких научно-практических конференциях: 1) Русский сентиментализм и немецкий «Sturm und Drang» (XI Международная славистская литературоведческая конференция «Большие темы культуры в славянских литературах. Чувства» (Вроцлав, Польша), май 2013 года); 2) Отношение О. П. Козодавлева к драме И. В. Гете «Клавиго» (Научное заседание с обсуждением докладов (Отдел русской литературы XVIII века, ИРЛИ РАН, Санкт Петербург, Россия), май 2014 года); Мотив «Сновидения» в русской литературе второй половины 18 века (VI Научно-практическая международная конференция «Русско-зарубежные литературные связи» (Нижний Новгород, Россия), октябрь 2014 года); Russian Elites and their Academic Experience in Germany (The 14th International Congress for Eighteenth-Century studies (Роттердам, Нидерланды), июль 2015 года); The Influence of German Culture on the Russian Periodicals of the Early 19th Century (Международная конференция Общества по изучению русской и славянской литературы и истории (ICSEES) (Макухари, Япония), август 2015 года); О «Детском музее» в отзывах «Северной почты» (К теме: роль немецкой литературы в истории русского Просвещения) (Конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, Россия), март 2016 года). Также по теме диссертации были опубликованы тезисы докладов и статьи в научных журналах, включенных в список ВАК (см. библиографию в конце автореферата).

Основное содержание работы

Во «Введении» обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования, а также излагается обоснование структуры диссертационного исследования.

Основные, крайне немногочисленные, работы, посвященные деятельности О. П. Козодавлева, основываются, главным образом, на сведениях М. И. Сухомлинова, который в шестом выпуске своей «Истории Российской Академии» (1882) в ряду обстоятельных биографий членов Академии, внесших значительный вклад в ее развитие, рассматривает деятельность Козодавлева, вводя в оборот большое число документов.⁴ В конце XIX столетия Е. М. Гаршиным была составлена биография Козодавлева, опубликованная на страницах сборника С. А. Венгерова «Русская поэзия» (1894, вып. 4).⁵ Имя Козодавлева упоминается также в исследованиях, посвященных его современникам, с которыми он был связан личной дружбой или служебной и общественной деятельностью, а также посвященных культурным событиям его времени,⁶ однако все эти источники не дают связного представления о Козодавлеве как литераторе.

В главе 1 («Драма И. В. Гете “Клавиго” в переводе О. П. Козодавлева: история и обстоятельства создания перевода») изучается интерес молодого Козодавлева к немецкой культуре, оказавшей на него большое влияние, и рассматривается предыстория перевода драмы И. В. Гете «Клавиго». При этом учитывается биография Козодавлева, в особенности обстоятельства его обучения в Лейпцигском университете, где он мог вплотную познакомиться с современной немецкой литературой.

Имя Гете стало широко известным в Германии и во всей Европе после публикации романа «Страдания молодого Вертера» (1774). «Вертер»

---

⁴ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев // История Российской Академии. СПб., 1882. Т. VI. Вып. 2. С. 2—512.

⁵ Гаршин С. А. О. П. Козодавлев // Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 4. С. 759—761.

⁶ Из таких исследований упомянем: Арзуманова М. А. О связях с Россией А.Н.Радищева в Лейпцигский период // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3. С. 527—537; Волков Н. Гетев русском театре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4—6 / Под ред. Б. Козьмина и др. С. 909—914; Тронская М. Л. Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966. С. 181—186; Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981; Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005; Дмитриевич И. А. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2009.

произвел сильное впечатление также и на русскую публику. Несмотря на известность этого романа, в России он, в отличие от других стран, был переведен не первым из произведений Гете. Первым русским переводом из Гете оказалась драма «Клавиго», которая была написана немного ранее, но в том же году, когда в Германии появился «Вертер» (1774). В России же перевод драмы Гете «Клавиго» был опубликован в 1780 году Козодавлевым, за год до издания первого перевода «Вертера».

Хотя истории восприятия Гете в России посвящены многие исследования, исторические обстоятельства, сопутствующие первому русскому переводу из Гете, до сих пор недостаточно ясны. В данной главе рассматривается вопрос — почему Козодавлев из всех ранних произведений Гете выбрал для перевода именно драму «Клавиго».

Обычно отношение переводчика Козодавлева к «Клавиго» рассматривается в двух аспектах, которые представлены в классической монографии В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе». ⁷ Во-первых, предполагается, что Козодавлев заинтересовался драмой «Клавиго» именно по той причине, что Гете был известен ему как автор «Вертера». Во-вторых, переводя «Клавиго», Козодавлев стремился предложить русской публике произведение вошедшего в моду в Европе жанра «мещанской драмы», который, однако, был еще мало распространен в России. Действительно, ко времени публикации перевода «Клавиго» Гете уже обладал репутацией «автора “Вертера”» среди тех, кто, как Козодавлев, познакомился с этим романом в подлиннике – в предисловии к переводу «Клавиго» Козодавлев так и называет Гете. Однако, как мы стремимся доказать, это не единственное обстоятельство, которое привлекло Козодавлева к переводу этой драмы.

Комментируя второй аспект, отметим, что жанр «Клавиго» в истории русской драматургии лишь впоследствии был определен как «мещанская трагедия», в частности, в монографии по истории московского театра М. Е.

---

⁷ См.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 29—34.

Мадоккса (Медокса), которая была издана в начале XX века, «Клавиго» называется одной из «мещанских трагедий», наряду с «Беверлеем» (1768) Б.-Ж. Сорена и «Сарой Сампсон» (1755) Г. Э. Лессинга,⁸ тогда как в современном переводе «Драматическом словаре» (1787) она была названа просто «трагедией». При этом в том же словаре уже были отмечены пьесы, хотя их было и немного — всего восемь, классифицированные как «мещанская трагедия», в том числе «Человеколюбие, или Картина бедности», «Беверлей», «Лондонский купец, или Приключения героя Барневеля». Таким образом, следует отметить, что в русской драматургии 1770—1780-х годов репертуар жанра «мещанской трагедии» еще не был устоявшимся, и «Клавиго» не сразу был отнесен именно к этому жанру.

Попытаемся по-новому взглянуть на первый русский перевод трагедии «Клавиго» посредством анализа текста, а также истории его появления и биографии переводчика.

Особенность трагедии «Клавиго» в контексте драматургии той эпохи состоит в том, что ее сюжет не был вымышленным, а, как свидетельствует Гете в своих воспоминаниях «Поэзия и правда», основывался на эпизоде «Мемуаров» (1774) П.-О. Карона де Бомарше. В «Мемуарах» рассказывается, как Бомарше приезжает в Мадрид, чтобы наказать жениха своей сестры Марии, Хосе Клавихо-и-Фахардо, что ему в конце концов и удается. В этом эпизоде героем является Бомарше, а история сама по себе оказывается «приключением Бомарше».

Для понимания причин обращения Козодавлева к переводу именно драмы «Клавиго» представляется немаловажным то биографическое обстоятельство, что он с 1769 по 1774 год находился в Германии, учась в Лейпцигском университете. В 1774 году, в последний год его пребывания в Лейпциге, были изданы два упомянутые произведения: в феврале был выпущен четвертый том «Мемуаров» Бомарше, в котором рассказана история Клавихо, а через три месяца увидела свет драма «Клавиго» Гете. Ее

---

⁸ См.: Чайнова О. Театр Маддокса в Москве, 1776—1805. М., 1927. С. 243—244.

читали и обсуждали как появившееся в печати произведение яркого молодого таланта. Трагедия впервые была поставлена на сцене в Гамбурге, в августе того же года. Роман о Вертере также был издан в том же году, но только в сентябре, через месяц после постановки «Клавиго» на сцене. Насколько известно, Козодавлев уехал в Россию осенью и вернулся в Санкт-Петербург в ноябре 1774 года, то есть его уже не было в Германии в тот момент, когда «Вертер» начал привлекать общее внимание читателей. Козодавлев, вероятно, был знаком с «Вертером» ко времени, когда принялся переводить «Клавиго», мог сознательно выбрать для перевода эту пьесу как предостережение тем русским читателям, кто будет читать «Вертера» (чрезмерная чувствительность опасна!). По словам Жирмунского, драма «в Германии была воспринята в свое время как некоторый отказ от эксцесс драматургии эпохи “бури и натиска”...».⁹

В отличие от большинства русских читателей, узнавших о Гете только после опубликования «Вертера», Козодавлев находился в обстоятельствах, которые позволили ему узнать и понять до «Вертера» главную тему драмы «Клавиго».

Хотя в некоторых сценах драмы почти дословно повторяются диалоги персонажей «Мемуаров», Гете сильно изменил эпизод и по сюжету, и по характерам персонажей, в результате чего «приключение Бомарше» превратилось в «трагедию Клавиго». При этом бурная чувствительность, кипящая в пьесе, обнаружила свои психологически опасные, отрицательные черты намного прямее, чем в «Вертере».

В драме «Клавиго» в центре истории находится Клавиго, а не Бомарше. Неверность Клавиго осуждается, но акцент переносится на его страсть и душевные колебания, в результате чего он играет роль «чувствительного героя». Что касается образа Бомарше, то Гете подчеркнул его слишком бурный и высокомерный характер. Его героизм изображен в пьесе с ироническим и даже сатирическим оттенком.

---

⁹ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 31.

Для выяснения обстоятельств перевода «Клавиго» особый интерес представляют разночтения в концовке драмы в двух ее вариантах. Козодавлев перевел пьесу в полном соответствии с имевшимся в его распоряжении оригиналом (точность, хорошо заметная на фоне других его переводческих опытов того времени), выбрав финал из первого издания «Клавиго». В диссертации устанавливается этот факт и определяется его место в творческой истории перевода. Отмечаются и сохранившиеся в предисловии Козодавлева к двум русским изданиям драмы отсылки к «Мемуарам» Бомарше, появление которых в русском переводе также отчасти спровоцировало, на наш взгляд, его обращение к гетевской пьесе.

Таким образом, история переводов произведений Гете в России началась, строго говоря, не с «Вертера», а с попыток «европейца» Козодавлева, представителя молодого поколения русских авторов, определить свое отношение к сентиментализму и крайностям в проявлении чувствительности. Тем не менее, драма Гете, вышедшая в 1780 году в переводе Козодавлева двумя изданиями, насколько известно, на сцене не ставилась.

Глава 2 («Произведения в журнале “Собеседник любителей русского слова”»: идеи Просвещения и ранний русский сентиментализм)) посвящена изучению работы Козодавлева как редактора журнала «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784, 16 частей) и как автора ряда статей в этом журнале.

По настоящее время исследователями рассматривались лишь такие сочинения Козодавлева, опубликованные в «Собеседнике...», как «Письмо к Ломоносову» и «Письмо к Капнисту», но его художественные произведения не вызвали интереса со стороны историков русской литературы, между тем они важны для понимания выраженного в них представления Козодавлева о просветительских идеях, а также как факт рецепции европейского сентиментализма до расцвета направления в России. Нами рассмотрены следующие произведения Козодавлева: прозаическое «Приятное

путешествие» и три стихотворных — «Стихи Клелии», «К другу моему...» и «Сновидение».

В разделе 2.1 («Три произведения из журнала “Собеседник”: поэтика чувства») анализируются «Приятное путешествие» и два стихотворения — «Стихи Клелии» и «К другу моему...», которые, по нашему мнению, можно считать единым *комплексом* (в виде цикла) произведений, освещающих тему человеческих чувств.

Период 1780-х годов является чрезвычайно значимым в истории русской литературы XVIII века и связан с прямой или косвенной ориентацией на сентиментализм. К этому русские писатели были подготовлены самим ходом развития отечественной литературы, а также знакомством с европейскими произведениями, затрагивавшими проблемы чувствительности: «Юлия, или Новая Элоиза» (1760) Ж.-Ж. Руссо; «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) Л. Стерна; «Страдания молодого Вертера» И. В. Гете (1774). Соответственно, в России начали появляться их переводы и переделки. Как отмечают исследователи, такие как П. А. Орлов и Н. Д. Кочеткова,¹⁰ интерес к теме человеческих чувств проявлялся еще в произведениях Ф. А. Эмина и М. М. Хераскова, но все же стремление к созданию произведений сентименталистского характера стало отчетливым только в 1780-е годы. Более того, если речь идет о русских оригинальных произведениях, их стало намного больше именно во второй половине 1780-х и в 1790-е годы.

«Приятное путешествие» вошло в первую часть журнала «Собеседник...» (1783) за подписью «К...въ». Хотя историками литературы еще не было проведено подробного анализа этого текста, значимость его в качестве одной из первых ласточек сентиментальной литературы могут подкрепить слова Г. А. Гуковского в «Истории русской литературы» (1941),¹¹

---

¹⁰ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977; Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.

¹¹ Гуковский Г. А. Карамзин // История русской литературы: В 10 т. Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 74.

что подкрепляет значимость нашего анализа, предпринятого **в разделе диссертации 2.1.1 («К изучению беллетристического метода Козодавлева: Франция и Германия в «Приятном путешествии»»)**.

Повествователь вспоминает об одном летнем вечере, когда он во время путешествия встретился с хозяином некоего дома, и тот рассказал ему историю о своем добродетельном поступке и жестокости своего богатого знакомого. Европейские произведения в форме путешествия, уже написанные к тому времени под влиянием Стерна, затрагивали вопросы внутреннего мира человека. И в «Приятном путешествии» Козодавлева физическое путешествие символизирует внутреннее развитие чувствительного героя

В начале истории герой-рассказчик восхищается красотой природы. А далее эмоция, пробужденная созерцанием, заставляет его вспомнить о женщине по имени Клелия, в которую он был влюблен.

Имя Клелии всего однажды упоминается в повествовании, однако очевидно, что его появление в тексте не случайно, оно должно было напоминать читателям о героине одноименного любовного романа «Клелия, римская история» (1654—1660) М. де Скюдери, который был написан на основе древнеримского предания о храброй девушке по имени Клелия. По сути дела, Скюдери на основе римской легенды написала роман о принципах любовной морали, принятых во французских салонах XVII века. Несомненно, образованные русские читатели были знакомы в подлиннике не только с этим романом, но и с «Поэтическим искусством» (1674) Н. Буало-Депрео, где была представлена его критика. Исходя из истории восприятия «Клелии» в русской литературе того времени, можно предположить, что упоминание этого имени Козодавлевым в «Приятном путешествии», видимо, также было связано с идеей градации любовной морали, по мадам де Скюдери.

История о добродетельном поступке хозяина произвела на повествователя, страдавшего от несчастной любви, настолько сильное

впечатление, что он был утешен в своем несчастье, как он пишет, «созерцанием добродетельного человека, доказывающего добродетель свою исполнением должностей звания своего». Важно в то же время, что избавляясь от любовных страданий, повествователь вовсе не отказывается от чувствительности как таковой. Напротив, в тексте подчеркнуто, что «больное сердце» этого персонажа свидетельствует не о недуге, а о «приятном состоянии» души (в сущности, эта антитеза была и в «Клавиге» с его идеей о том, что несчастливые люди опасны).

Козодавлев, опираясь на авторитет традиционной для европейской культуры темы добродетели, строит свое произведение, руководствуясь идеей, что чувствительность есть свойство характера, необходимое для развития добродетельной души — главной нравственной ценности сентиментализма. **В разделе 2.1.2 («Анализ стилистики “Приятного путешествия”»)** текст произведения исследуется и как образец формирования литературного стиля Козодавлева, и в перспективе изучения его вклада в русско-европейские литературные связи.

Добродетельный хозяин, рассказывая о том, что он отдал все деньги бедной вдове, которую выгнал жестокий богач, заключает эпизод словами: «...ощущал я, подобно Виландову Диогену, сострадание к богатым людям». Здесь имеется в виду персонаж произведения «Разговоры Диогена Синопского» (1774) К. М. Виланда. Философ Диоген, в изображении Виланда, прежде всего критик общественной несправедливости и морального обличия имущих. В этом произведении Виланд устами Диогена сопоставляет мораль бедных и богатых людей. Козодавлев не случайно стремился к тому, чтобы читатели «Собеседника...» восприняли эпизод с хозяином из «Приятного путешествия» именно на фоне виландовского «Диогена». В начале «Приятного путешествия» он воспользовался мотивами из романа Скюдери, а в конце — мотивами из «Разговоров Диогена» Виланда. Такую манеру сочинения, то есть попытку сопоставления и соединения идей, заимствованных у писателей различных литератур, мы можем считать одной

из особенностей литературной стратегии Козодавлева. Косвенное обращение к персонажам античности позволяло автору показать читателям двойственность своего героя, то есть достоинство и недостаток чувствительности.

Раздел 2.1.3 «Стихи Клелии» посвящен одноименному произведению, которое было опубликовано в шестой части «Собеседника...» и посвящалось изображению «страсти первой любви, любви с первого взгляда и страдания от нее». Как видно из самого названия «Стихов Клелии», поэт отчасти напоминает читателям о той любовной морали, которая сформулирована в романе Скюдери «Клелия»: «любовь с первого взгляда» в иерархии чувств располагается ниже, чем «любовь с уважением», которая рождается со временем из чувства дружбы. Однако учитывая в качестве претекста «Приятное путешествие», где также упоминалось имя Клелии, можно предположить, что Козодавлев вносит в эту иерархию свою поправку: предпочтение отдается естественному, а не рационализированному чувству.

Стихотворение Козодавлева «К другу моему...», которому посвящен **раздел 2.1.4 второй главы**, содержит похвалы «Мурзе», автору оды «Фелица» (ч. 1 «Собеседника...») (под псевдонимом скрывался, как известно, Г. Р. Державин). Значение «Фелицы» Державина для русской литературы было огромным. Опубликованная в «Собеседнике...» державинская ода удивила и заинтересовала читателей смелым изображением личности Фелицы. Именно Козодавлев, высоко оценивший оду, представил ее публике, поместив в первом выпуске «Собеседника...». А затем, в следующих номерах журнала, появилось немало стихотворений, упоминавших «Фелицу» и ее автора «Мурзу», в том числе и стихотворения Козодавлева, а среди них — «К другу моему...».

В своих произведениях о несчастной любви, разных в жанровом отношении, Козодавлев отводит «чувствительности» почетное место среди человеческих свойств и высоко оценивает ее роль в нравственном развитии человека. Писатель предложил своим читателям два противоборствующих

аспекта трактовки «чувствительности» — принятие возвышающей роли чувств и предостережение от увлечения ими. Указывая путь избавления от горя или сердечного волнения, он в то же время подчеркивал их нравственную необходимость. Выявленное нами на материале указанных произведений двойственное отношение Козодавлева к теме «чувствительности» является чертой, свойственной раннему русскому сентиментализму. Хотя он сохранил в своих произведениях уважение к разуму, как требовало того Просвещение, в то же время он отвел «чувствительному характеру» важное место, соединив «чувствительность» с традициями «эпохи Разума».

Раздел 2.2. («Стихотворение “Сновидение”») посвящено стихотворению, помещенному в последней части «Собеседника...». По сравнению со статьей об истории «Собеседника...», опубликованной в той же части, на него до сих пор обращалось мало внимания.

Стихотворение начинается со вступительных слов рассказчика от первого лица, затем описывается сон некоего Клитона. Герой этой небольшой поэмы-сказки, «влюбленный и несчастный Клитон» повсюду искал свою любимую Клелию, но напрасно. Он с печалью вернулся домой и глубоко заснул. Ему приснился чудесный сон: к нему прилетает бог Амур. Клитон, воспарив на летающей колеснице в небо, приземляется в конце эпизода в сказочном чертоге и там слышит откуда-то прекрасный голос. На этом сказка заканчивается. В диссертации текст рассматривается в двух аспектах, связанных не только с концепцией журнала, но и с личными интересами и взглядами Козодавлева.

2.2.1. Роль мифологии в «Сновидении». Изучается сатирический аспект стихов, в которых автор прибегает к античным мифологическим мотивам. Во второй половине XVIII века русские писатели широко пользовались античными мифологическими сюжетами и персонажами. Среди русских произведений сказочного жанра особенно известна поэма-сказка И. Ф. Богдановича «Душенька», которая появилась в печати в 1778

году. Она была создана на основе сказки Ж. де Лафонтена, в свою очередь написанной по мотивам древнегреческой легенды о Психее и Амуре. Сказку Богдановича встретили с энтузиазмом, таким же, какой пришелся на долю «Фелицы» Державина. Используя классический античный сюжет, Богданович попытался в «Душеньке» создать русскую сказку, опозитизировать отечественные нравы, отчасти и заместить пантеон классицизма древнеславянскими легендами, как их тогда понимали. Этим же приемом, вслед за Богдановичем, воспользовался и Козодавлев в своей сказочной поэме.

2.2.2. Тема семейного образования. Во вступительных словах рассказчика ко сну Клитона проявляется тема образования детей. Ориентация Козодавлева на воспитание и образование детей объясняется его личными педагогическими интересами, а также контекстом культурных событий 1780-х годов, с которыми он был связан: в 1782 году Екатерина II создала комиссию об учреждении народных училищ; задача реформирования русских учебных заведений привлекала внимание и Козодавлева. Он непосредственно упоминает школьную реформу в «Письме к Ломоносову», опубликованному в 13-й части «Собеседника...». После прекращения «Собеседника...» Козодавлев был назначен членом этой комиссии. Если в «Письме к Ломоносову» Козодавлев по форме остается, так сказать, наблюдателем и говорит об этой комиссии только для того, чтобы прославить дела императрицы, то в «Сновидении» его позиция иная. В этом стихотворении Козодавлев, как мы считаем, ставит педагогическую задачу, поднимая тему детского и семейного чтения.

В «Сновидении» присутствует еще одна тема, актуальная для этого времени. Она рассматривается в разделе **2.2.3 («Мотив воздушного шара Монгольфье: отклик Козодавлева на событие 1783 года во Франции и на статью Виланда»)**, посвященном взглядам Козодавлева на французское общество сквозь призму культуры Германии. Основное внимание уделяется мотиву воздушного шара братьев Монгольфье, экспериментальный полет

которого был успешно осуществлен в 1783 году, за год до публикации «Сновидения».

Успешный полет братьев Монгольфье, ставший сенсацией в Европе, отразился в литературе, в том числе у Виланда. В журнале «Немецкий Меркурий» Виланд опубликовал эссе «Аеропетомания», в котором многие страницы посвящены этому французскому изобретению. По нашему предположению, Козодавлев читал эту статью Виланда. Сравнивая полет Клитона на волшебной колеснице с полетом на воздушном шаре, рассказчик высказывает свое мнение о таких полетах, и его ирония отражает неприятие галломании автором.

В анализе публикаций Козодавлева в «Собеседнике...» мы стремились выявить то, как отразилась в художественном творчестве писателя совокупность проблем, связанных с педагогико-просветительской областью и волновавших его, на наш взгляд, как в период редактирования журнала, так и на протяжении всей его литературной карьеры. «Сновидение» может быть определено как литературное выступление, которое, пусть и в форме шутки, включало в себя все, к чему Козодавлев стремился в это время.

Как писатель Козодавлев не стремился к новаторству, его задачей было донести до читателя просветительские и утверждавшиеся в литературе сентименталистские идеи, для которых он избирал подходящие сюжеты, несложные, но в принципе знакомые читателям. Это был принцип, который лег в основу формировавшейся в это время беллетристики, легкого (одновременно и назидательного) чтения.

Глава 3 («Статьи о “Детском музее” в “Северной почте, или Новой Санкт-Петербургской газете”») посвящена изучению просветительских взглядов Козодавлева на материале отзывов в газете «Северная почта» о журнале «Детский музей».

В 1808 году, при Александре I, вступив в должность министра внутренних дел, Козодавлев посвятил остаток жизни газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» (1809—1819). Он, по словам

Сухомлинова, «смотрел на издание газеты как на одну из самых серьезных задач, выпавших на его долю».^{10 10} *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. С. 232.

«Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» издавалась дважды в неделю в течение десяти лет. В ее подзаголовке, между прочим, впервые в России значилось слово «газета». В этом издании, наряду с внутренними и зарубежными новостями из области промышленности, политических и экономических отношений, помещались и статьи, касающиеся литературы. Одним из заслуживающих нашего внимания объектов литературной критики в «Северной почте» являлся ежемесячный журнал «Детский музеум», важность издания которого Козодавлев не раз подчеркивал. Однако высказывания Козодавлева о «Детском музеуме» до настоящего времени в целом не были изучены.

В центре нашего внимания находится вопрос, почему редактор «Северной почты» стремился познакомить читателей с журналом «Детский музеум» и каким образом он характеризовал этот журнал.

«Детский музеум» являлся энциклопедическим журналом, выходившим на протяжении почти пятнадцати лет. С 1815 по 1819 год его редактировал Е. Ушаков, а возобновление журнала с 1821 года связано с именем И. П. Глазунова, крупного книготорговца и издателя. Издание журнала полностью прекратилось в 1829 году.

В «Детском музеуме» статьи печатались параллельно на трех языках — французском, немецком и русском. Сопровожденные иллюстрациями, они были посвящены предметам из разных сфер знания: «Птицы», «Рыбы», «Растения», «Земноводные», «Богословие», «Древности», и т. д. Это была своего рода детская энциклопедия. Пока не удалось найти сведений о программных намерениях издателей «Детского музеума», однако представление о том, что интересного видели в нем современники, дают упоминания «Северной почты» об этом журнале.

В отзывах «Северной почты» «Детский музей» встречается часто (не менее двадцати раз с 1816 по 1819 год), но в диссертации обращено особое внимание на первые упоминания в № 16 и 27 за 1816 год и в № 25 за 1817 год, содержащие больше сведений о концепции этого журнала.

Козодавлев знакомит читателей с этим изданием, отмечая разные его аспекты и поддерживая намерения издателя. Среди указанных им достоинств стоит обратить особое внимание на то обстоятельство, что «Детский музей» был создан на основе известного в Германии издания, которое выпускал веймарский публицист и меценат Ф. И. Ю. Бертух.

Бертух сыграл немаловажную роль в развитии немецкой литературы и журналистики конца XVIII века. После изучения богословия и права в Йене он сотрудничал с Виландом в редакции журнала «Немецкий Меркурий», позже издавал журналы и самостоятельно, например, «Журнал испанской и португальской литературы».

Не приведенное в отзыве Козодавлева название немецкого образца для «Детского музея» нетрудно уточнить. Это — «*Bilderbuch für Kinder*» («Книга с картинками для детей»), периодическое издание, которое Бертух издавал с 1790 года. Оно выходило по 1830 год и пользовалось успехом не только в Германии, но и в России.

Сравнивая статьи из «Детского музея» с изданием Бертуха, нетрудно убедиться, что это были переводы текстов из «*Bilderbuch...*»: иноязычные тексты, которые помещались в «Детском музее» параллельно с русским вариантом, вполне соответствуют оригиналам из издания Бертуха.

Однако если обратить внимание на исторический контекст русской детской литературы второй половины XVIII и первой половины XIX века, можно заметить, что появление «Детского музея» было связано не только с популярностью издания Бертуха, но и с традицией другого классического энциклопедического издания, автором которого был Я. А. Коменский, чешский педагог и мыслитель XVII века.

В Европе 1770—1780-х годов заметно усилился интерес к проблемам образования юношества. В стремлении к детскому образованию многие издания наследовали идеям Коменского. В их распространении первую роль сыграла его энциклопедическая книга «*Orbis sensualium pictus*» («Мир чувственных вещей в картинках»), опубликованная в 1658 году на латинском и немецком языках. В ней были изложены сведения по зоологии, химии, астрономии, религии, моде и другим областям знания, причем тексты последовательно сопровождались иллюстрациями; изображенные на них предметы были пронумерованы и снабжены объяснениями. Учебное энциклопедическое издание Коменского, сразу же переведенное на европейские языки, приобрело огромный и долговременный успех.

Бертух также взялся за создание своего иллюстрированного компендиума, основываясь на идеях Коменского. В России энциклопедическое издание Коменского впервые было напечатано с русским переводом, но без иллюстраций, в 1768 году.

Следует отметить, что в истории русской детской литературы «Детский музей» считается одним из прямых потомков «*Orbis pictus*» Коменского. Учитывая даже только собранные нами сведения, в том числе суждение Бертуха, можно понять, что Козодавлев действительно видел в «Детском музее» продолжение традиции книги Коменского «*Orbis pictus*».

В России книга Коменского появилась под названием «Видимый свет Иоана Амоса Комения на латинском, российском, итальянском, и французском языках», при участии Ломоносова. А в 1786 году основанной Екатериной II Комиссией об учреждении народных училищ был утвержден «Устав народным училищам в Российской империи», и перевод книги Коменского был включен в перечень обязательных книг в качестве учебника для изучения иностранных языков.

Козодавлев как раз в это время (с 1784 года) стал членом Комиссии об учреждении народных училищ и принял участие в реформировании русского образования. Его активное отношение к реформе известно из его статьи,

опубликованной на страницах журнала «Растущий виноград» (1785) под названием «Рассуждение о народном просвещении в Европе», где он излагает историю развития образования и культуры в разных странах. В статье Козодавлев высоко оценивает немецкую систему образования.

Таким образом, собственный опыт Козодавлева как просветителя и государственного деятеля связывал его с указанным типом детских изданий. Мы можем предположить, что Козодавлева интересовало также и влияние на журнал Бертуха идей Коменского. Сам Козодавлев не сравнивает между собой эти три энциклопедические издания, т. е. «Orbis pictus», «Bilderbuch für Kinder» и «Детский музей», но это сопоставление помогает понять, чем он руководствовался при выборе объекта рецензии и его оценке.

Возвращаясь к «Северной почте», можно сделать вывод, что Козодавлев высоко оценил «Детский музей», поскольку журнал был выдержан в лучшем стиле указанных изданий: материалы и тексты были взяты из «Bilderbuch...» Бертуха, а оформление — из книги Коменского, и к этому добавлены гравюры по образцу рисунков в «Bilderbuch...», но выполненные русскими иллюстраторами. Козодавлев должен был видеть, что «Детский музей» наследовал традициям Коменского, хотя и не прямо, а посредством воспринявшего их журнала Бертуха с сильно развитыми в этом журнале педагогическими тенденциями. В начале XIX века появлялось много детских периодических изданий, но большинство из них существовало недолго, а «Детский музей», опиравшийся на опыт долговременного проекта Бертуха и, так же, как и он, создававшийся под влиянием идей Коменского, явился более крупным и значительным изданием, чем другие.

Козодавлев, вероятно, оценил отраженные в «Детском музее» достижения немецкой и русской педагогики 1770—1780-х годов. Эти ценности оставались для него важными и в новую эпоху, когда литературные и педагогические ориентиры подверглись существенному пересмотру. Привлек внимание Козодавлева и характер работы Бертуха как посредника в передаче педагогических идей. Можно заключить, что его интересовала

такая форма межкультурного восприятия, которая способствовала бы развитию русской национальной культуры.

Рассмотрение отзывов о «Детском музее» мы проводим на фоне анализа общей концепции Коздавлева в «Северной почте». Его просветительские идеи и позиция в вопросах образования в России нашли прямое выражение в газетных статьях.

Просматривая другие известия, помещенные в «Северной почте», за интересующий нас период, можно узнать, что издатель этой газеты специально отбирал новости, касающиеся академических и образовательных учреждений (библиотек, университетов, училищ) и научных открытий. Кроме официальных известий, газета сообщала сведения о повседневной жизни образовательных заведений, успехах учеников, об участии студентов в каких-либо мероприятиях. Эти новости можно было встретить и в отделе «внутренних новостей», и в «иностранных новостях».

Данные «Северной почты» позволяют по-новому взглянуть на Коздавлева, который в своей служебной деятельности проявил себя как сторонник протекционизма, особенно когда он начал заниматься политическими и экономическими делами в министерстве внутренних дел. Однако в литературной деятельности это совсем не означало утраты интереса к зарубежным достижениям, в чем можно убедиться по анализу статей в «Северной почте» в данной главе, а также по анализу его произведений, проведенному нами в предыдущих главах. Он пользовался своим положением издателя газеты для просвещения русских читателей, подчеркивая важность воспитания в особенности детей и юношества. В этом отношении он в течение всей своей карьеры не изменил своему интересу к работам в этой области, продолжая заботиться об улучшении системы отечественного образования.

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы. Рассмотрение литературной деятельности

О. П. Козодавлева в нашем диссертационном исследовании приводит к следующим выводам.

1. Козодавлев не позиционировал себя в качестве оригинального писателя, предпочитая играть роль посредника между авторами и читателями, скорее, он ощущал себя журналистом. Тем не менее его литературные произведения (стихи и проза) находятся на уровне зарождающейся «массовой» литературы, выразительно передавая особенности русской литературы на границе между эпохой Просвещения и эпохой сентиментализма.

2. Одним из важных ориентиров для Козодавлева, совпадавших с изменениями в русской словесности конца XVIII — начала XIX века, как это видно из материалов второй главы, является его интерес к внутренней жизни человека, распространявшийся у него и на исторических деятелей. При редактировании собрания сочинений Ломоносова Козодавлев добавил к изданию личные письма великого ученого, считая материалы такого рода важными для воспитания чувств у русских читателей, даже если эти документы не имеют связи с научной деятельностью. Он также активно пытался выпустить в свет историю патриарха Никона фактически с той же целью обогащения знаний о русских исторических деятелях как о частных лицах — и в итоге понимания их внутренней жизни. К началу издания журнала «Собеседник...» Козодавлев обратил внимание и на «Фелицу» Державина, в значительной мере именно потому, что поэт показал там эмоциональную жизнь своей героини.

3. Эти усилия Козодавлева вписывались в литературное движение русского сентиментализма, участники которого подчеркивали значимость внутреннего мира человека. Козодавлев представил читателям «Собеседника...» среди своих работ не только стихотворные «письма» к Ломоносову, Капнисту и к «татарскому Мурзе», но и «Стихи Клелии» и «К другу моему...», а также повесть «Приятное путешествие». Эти произведения можно рассматривать как *комплекс чувствительной*

литературы, в котором автор, показывая разные стороны чувства, подчеркивал значение эмоций для развития внутреннего мира человека. При этом для Козодавлева не имело большого значения, идет ли речь об исторической фигуре или о вымышленном литературном герое; ему важно было осветить жизнь души, как он ее понимал.

4. Обращение Козодавлева к «личности», более или менее исторической, проявилось уже в его раннем переводе драмы Гете «Клавиго»: главное, что должно было привлечь внимание Козодавлева к ней, — это спектр эмоций, который можно было показать на сцене. В «Клавиго», оказавшемся благодарным материалом для демонстрации принципов сентиментализма, вместе с тем проступает просветительская мысль об опасности нарушения нравственных законов, мысль, отсутствующая, например, в «Вертере». Пафос романа Гете — *протест*, пафос его трагедии — *нравственные коллизии*, из которых можно было сделать даже поучительный вывод о вреде слабого характера. Этим переводом Козодавлев соединил просветительский *нравственный пафос* с *чувствительностью* нового литературного направления.

5. Но идеи Просвещения связывались в представлении Козодавлева прежде всего с практическим просветительством. В стихотворении «Сновидение», опубликованном в последнем томе «Собеседника», Козодавлев начал связывать тему просвещения с более конкретной задачей улучшения народного образования, за которую он взялся сразу после прекращения этого журнала. В стихотворении намечается тема детского образования, надолго захватившая Козодавлева в связи с его дальнейшей деятельностью в государственной и педагогической областях. Сама его концепция Просвещения была тесно связана с образовательными проблемами и с практическим просветительством. В написанной им статье «Рассуждение о народном просвещении в Европе» и в редактировании «Северной почты» отчетливо проявилось его стремление знакомить русских читателей со сведениями о состоянии образования в других

странах. Склонность Козодавлева к теме *межкультурного сопоставления*, впервые проявившаяся в работе над переводом «Клавиго», присутствует и в его других работах непосредственно или косвенно — в «Приятном путешествии», в «Сновидении» и, безусловно, в статьях педагогической тематики (в ориентации на опыт других стран).

6. Таким образом, рассмотрев литературные работы Козодавлева, начиная с перевода «Клавиго» и до редактирования «Северной почты», можно заключить, что Козодавлев всегда с осторожностью, но все же активно обращался к новациям в области литературы, стремясь познакомить соотечественников с новыми идеями и достижениями. Его концепция Просвещения пересекалась не только с конкретными проектами в рамках педагогических реформ его времени, но также с путями нового литературного направления (сентиментализма). Козодавлев, хотя и не принял безоговорочно сентиментальное направление, в то же время в своих собственных произведениях разрабатывал темы, характерные для сентиментализма, в сочетании с темой добродетели, что имело также и педагогическое значение. Можно сделать вывод, что Козодавлев имел более глубокую связь с сентиментализмом, чем это считалось ранее в истории русской литературы. Наше исследование добавляет ряд подробностей и наблюдений к предыдущим представлениям о том, что именно происходило в становлении и развитии русского сентиментализма на его раннем этапе, в первой половине 1780-х годов, до появления произведений Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Н. А. Львова.

Кроме того, получила, как мы надеемся, более отчетливые историко-литературные контуры фигура Осипа Петровича Козодавлева, литератора не первого ряда, но занимающего свое заслуженное место в истории русской литературы рубежа XVIII—XIX веков и в истории русского переводческого искусства.

Список публикаций, сделанных по теме диссертационного исследования

Публикации в изданиях, реферируемых ВАК РФ

1. О. П. Козодавлев и И. В. Гете (Межкультурное сопоставление) // Русская литература. 2015. № 2. С. 138—148.
2. О. П. Козодавлев и «Собеседник любителей русского слова» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 401. С. 43—48.
3. Эстетика Просвещения в творчестве О. П. Козодавлева // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 1. С. 6—9.
4. Журнал «Детский музей» в отзывах О. П. Козодавлева (К истории детской журналистики в России) // Русская литература. 2016. № 3. С. 143—149.

Другие публикации

5. О. П. Козодавлев и культурное сопоставление в русской литературе конца XVIII века // Синтез культурных традиций в художественном произведении. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2013. С. 12—18.